Справедливость с точки зрения экономиста. Джон Ролз против Роберта Нозика

Скаржинская Елена Матвеевна

Доктор экономических наук, профессор
Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация
E-mail: yelena.skarzhinsky@gmail.com

Цуриков Владимир Иванович

Доктор экономических наук, профессор
Костромская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кострома, Российская Федерация
E-mail: tsurikov@inbox.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Джон Ролз, Роберт Нозик, теория справедливости, государство, минимальное государство, завеса неведения

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сравнительному анализу теорий справедливости Джона Ролза и Роберта Нозика, проведенного с позиций экономической науки. Выбор концепций справедливости обусловлен их принципиальным различием, что позволяет выявить и оценить риски экономических последствий, к которым может привести реализация альтернативных принципов справедливости. Дж. Ролз определяет справедливость через принцип равных основных прав и свобод для всех, допуская экономическое и/или социальное неравенство лишь в случаях, когда оно приносит пользу наименее обеспеченным членам общества. Р. Нозик, как сторонник минимального государства, видит справедливость в соблюдении прав каждого на самопринадлежность и считает несправедливым любое принудительное перераспределение ресурсов (в том числе через налогообложение), кроме случаев исправления несправедливости. Показано, что высокий уровень социальной поддержки, предусмотренной концепцией Дж. Ролза для снижения неравенства, может искажать рыночные стимулы, порождать проблему безбилетника, создавать тенденцию к «добровольной безработице», способствовать бюрократизации экономики, усиливающей эффект «дырявого ведра», формировать условия для «захвата институтов». Помимо этого, основной механизм «вуаль неведения», предлагаемый Ролзом для справедливого распределения благ, может сработать не так, как полагает автор. Минимальное государство Роберта Нозика может порождать, вследствие отказа от перераспределения доходов, «ловушки неравенства», тенденции к появлению «гетто» и росту преступности, а также проблемы финансирования общественных благ. Кроме того, последовательное осуществление принципа ректификации, способное привести к масштабному перераспределению собственности, может повлечь высокие социальные и экономические издержки. Несмотря на концептуальную ценность обеих теорий, присущие им недостатки делают их непригодными в своем чистом виде для практического воплощения в реальной экономической системе.

JEL codes: D63, H23, H41

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-8-13-29

Для цитирования: Скаржинская, Е.М. Справедливость с точки зрения экономиста. Джон Ролз против Роберта Нозика / Е.М. Скаржинская, В.И. Цуриков. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 8. – С.13-29. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 30.08.2026)

Введение

Начнем с того, что вопрос «Что есть справедливость и почему ее обожествляют люди?» не просто интересует и тревожит человеческое сообщество. Во имя феномена, скрывающегося под этим словом, и понимаемого разными людьми, народами, нациями очень неоднозначно, человечество

© Скаржинская Е.М., Цуриков В.И., 2026

пролило море крови и реки слез. По словам И. Канта «если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [7, с. 256].

Самое раннее на Руси использование слова «справедливость» обнаружено в одной из рукописей конца XV века [16, с. 2]. До этого основные представления, которые позднее вошли в состав понятия «справедливость», выражались в русском языке «широким спектром слов, объединенных общеславянской корневой морфемой "-прав-": правда, праведный, правило, правильный» [16, с. 2]. С течением времени понятие «справедливость» претерпело в своей эволюции целый ряд метаморфоз и к концу XIX предстало, согласно историко-этимологическому исследованию Н.В. Печерской, в следующих ликах: «1. соответствие реальным событиям, фактам (истина); 2. соответствие чьих-либо поступков или слов неписаным правилам, традициям (правильность); 3. врожденная (естественная) справедливость; 4. юридическая или формальная справедливость; 5. распределяющая справедливость (воздаяние должного); 6. революционная справедливость; 7. религиозно-нравственная справедливость» [16, с. 4-5].

Можно думать, что к настоящему времени понятие «справедливость» нисколько не утратило своей многоликости. Например, в роли истины (правды, точности) оно сохранилось в основном только в естественно-научных дисциплинах. Исследователь, использующий в своей работе математические методы, может написать: «Докажем, что данное уравнение сохраняет свою справедливость не только в рассмотренном случае». Однако в других сферах жизнедеятельности произошло размежевание понятий справедливости и истины и даже наметилось их противостояние. Н.В. Печерская приводит следующие слова представителя народничества Н.К. Михайловского: «Один говорит, мне наплевать на справедливость, я истины хочу. Другой говорит: мне истину не с кашей есть, я справедливости хочу», «одной истины человеку мало – нужна еще и справедливость» [16, с. 5].

Н. Бердяев выносит следующий диагноз: «С русской интеллигенцией в силу исторического её положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине» [3]. Отметим также некоторое противостояние, сложившееся между понятиями справедливости и права, ибо по довольно распространенному в современной России мнению «судить следует по справедливости, а не по закону».

Стремление к справедливости, характерное, по-видимому, для народов всех времен, оказалось очень удобным для манипулирования общественным мнением. При этом воззвание к справедливости могло вполне уютно соседствовать с откровенной ложью и утаиванием информации, с навязыванием спорных и сомнительных утверждений как истины в последней инстанции, призывами грабить награбленное, обещанием освободить от такой химеры как совесть и т.п. История приводит массу примеров, когда подобное манипулирование под знаком справедливости оборачивалось проявлением чудовищной несправедливости и человеческими трагедиями. Вот как об этом сказал Максимилиан Волошин:

Когда из пламени народных мятежей
Взвивается кровавый стяг с девизом:
«Свобода, братство, равенство иль смерть»
Его древко зажато в кулаке
Твоем, первоубийца Каин.

Справедливость, как одна из главных моральных ценностей, служит критерием оценки людьми своего поведения, поведения других, и правил социальной жизни в целом. При этом оценки индивидов далеко не всегда совпадают, так как люди руководствуются разными представлениями о справедливости, формирующихся под влиянием культурных традиций и различных обстоятельств, в силу личной заинтересованности и т.п. Представления о справедливости значительно изменяются с течением времени. Так, например, крепостное право, явно несправедливое с точки зрения современной морали, не считали несправедливым большинство образованных дворян вплоть до

XVIII века, когда Радищев подверг его острой и беспощадной критике. Трудно судить, считали ли крепостное право несправедливым сами крестьяне, так как они в массе своей были необразованны, но крестьянские бунты показывают, что они были не согласны с существующим порядком.

Представления о справедливости меняются под влиянием религиозных и философских учений, каждое из которых предлагает свое, претендующее на универсальность, определение справедливости. Одно из первых определений справедливости как философской категории дал в своем учении об этике Аристотель [1]. Аристотель ввел понятия общей и частной справедливости. Под общей справедливостью он понимал соответствие закону, разумность жизни в полисе. Разумно устроенное государство (в данном случае полис) должно по мнению Аристотеля не только обеспечить граждан необходимыми для жизни благами и способствовать развитию науки и искусств, но также создать и поддерживать среду для самореализации индивидов в качестве добродетельных личностей.

Такой подход, получивший название кооперативно-холистского, получил развитие в трудах Платона, Гегеля, Маркса. Государство (будь то полис или просвещенная монархия) мыслится при таком подходе как воплощенный разум и основа добродетельной жизни его граждан, поэтому благо государства ставится выше блага отдельных индивидов. Но ни греческий полис, ни просвещенная монархия, ни социалистическое государство не стали (да и не могли стать) воплощенным разумом, а пренебрежение интересами индивида ради интересов государства приводит к тому, что общественная жизнь организуется с целью удовлетворение интересов правящих элит, так как только они имеют право определять интересы государства.

Частная справедливость у Аристотеля принимает две формы: распределительная, или дистрибутивная, справедливость и уравнивающая, или ретрибутивная, справедливость. Каждая из них определяет способ распределения частных благ, которые в отличие от благ общественных являются конкурентными (увеличение потребления блага одним индивидом влечет уменьшение потребления каким-либо другим).

Уравнивающая справедливость – это распределение благ, налогов и повинностей, осуществляемое без учета достоинства лиц. Обмен вещей считается справедливым, когда он осуществляется в соответствии с их действительной ценностью, как, например, обмен на рынке, где неважно, кто покупает, а важно лишь то, сколько он платит. В современной трактовке это означает отсутствие дискриминации в обменах. Справедливость в наказаниях состоит в их неотвратимости и в беспристрастности вынесения приговора. Эти положения легли в основу современной теории права.

Дистрибутивная (распределительная) справедливость у Аристотеля – это принцип распределения благ, почестей, денег или ресурсов между членами общества пропорционально их заслугам, достоинствам (социальному статусу) и вкладу в жизнь полиса. Этот принцип устанавливает справедливое неравенство между людьми: лучший получает больше, а худший – меньше[1].

Другая традиция интерпретации и обоснования справедливости наиболее полно воплотилась в концепциях общественного договора, классиками которого являются Томас Гоббс [6], Джон Локк [8], Жан-Жак Руссо. Эти концепции исходят из гипотезы, что существует «естественное» состояние, в котором индивиды обладают неограниченной свободой, приводящей в условиях совместного существования к конфликтам и опасностям и создающей препятствия для совместной деятельности. Право на все оборачивается отсутствием какого-либо права. Разумным выходом из этого является государство, которое ограничивает права индивидов с целью обеспечения их безопасности и создания условий совместной деятельности. Отношения между государством и его гражданами строятся на основе контракта: безопасность и благополучие в обмен на частично утраченные индивидами права. Как следствие, справедливость состоит в честном исполнении условий контракта,

1 Аристотель сформулировал три способа, которыми полис определяет, кто из его граждан является «лучшим», а кто «худшим»: демократический (волеизъявление граждан), олигархический (по степени богатства) и аристократический (по происхождению). Очевидно, что каждый способ приведет к своему варианту распределения почестей, денег и ресурсов.

поэтому справедливость государства в этом случае измеряется благополучием индивидов.

Цель и задачи, теория и методы

В современных общественных науках справедливость является предметом исследования целого ряда научных дисциплин: философии, политологии, социологии, юриспруденции, психологии, культурологи, экономики. Каждая из них исследует проблему справедливости с помощью своей научной методологии. Данная статья посвящена анализу современных подходов к проблеме справедливости с позиций методологии экономической науки. Мы не ставим своей целью описать все существующие на данный момент теории справедливости. Нашу задачу мы видим в сопоставлении двух концепций справедливости: концепции Джона Ролза[2] (либерально-эгалитарный подход) и концепции Роберта Нозика[3] (либертарианский подход).

Выбор именно этих двух концепций из широкого спектра теорий справедливости обусловлен их кардинальным различием, которое позволяет четко выделить главные дискуссионные вопросы о справедливости в современной экономической науке, а именно, 1) по каким принципам определяется справедливость и 2) какие механизмы должны регулировать отношения индивидов в обществе для того, чтобы их жизнь действительно соответствовала этим принципам.

Ответ на первый вопрос тесно связан с теорией общественного благосостояния, изучающей оптимальное распределение благ между людьми и ресурсов между отраслями. Условие Парето-оптимального распределения является необходимым, но не достаточным для максимизации общественного благосостояния. Требуется этический критерий, в соответствии с которым из всех Парето-оптимальных распределений выбирается наиболее желательное. Одним из таких критериев является критерий Ролза.

Второй вопрос имеет прямое отношение к теории общественного выбора, которая исследует процесс принятия политических решений с учетом индивидуальных интересов и поведения различных участников – избирателей, политиков, бюрократов и групп давления. Значительная часть критики теорий Ролза и Нозика производится с помощью методологии теории общественного выбора.

В статье мы опишем наиболее важные и характерные черты теорий Ролза и Нозика и их критику экономистами, а далее проведем анализ ожидаемых экономических последствий осуществления принципов Ролза и Нозика. В своем анализе мы будем опираться на принципы новой институциональной экономической теории, в частности на принципы методологического индивидуализма и ограниченной рациональности, на предпосылку оппортунистического поведения и концепцию морального риска (moral hazard).

Справедливость по Джону Ролзу

По Ролзу, «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно также как истина – первая добродетель систем мысли» [18, с. 19]. Основная идея теории Ролза выражена в следующих его словах. «Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом. По этой причине справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других. Непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство» [18, с. 19].

В книге «Теория справедливости» Джон Ролз исследует проблему справедливости не отдельных институтов, а всей базисной системы общества, распределяющей первичные блага, т.е. те блага, которые хотел бы иметь каждый рациональный индивид вне зависимости от его личных взглядов и целей. Это права, свободы, благоприятные возможности, доходы и богатство, а также самоуважение.

2 Джон Бордли Ролз (1921-2002) – американский политический и моральный философ, теоретик социального либерализма, основоположник либерально-государственной концепции внутреннего и международного права.

3 Роберт Нозик (1938-2002) – американский философ, идеолог либертарианства.

Дж. Ролз выдвинул два принципа справедливости, причем первый принцип первичен, и его нельзя нарушить для осуществления второго [18, с. 267].

Первый принцип – принцип равных основных свобод – гласит: каждый человек должен иметь равные права и свободы, совместимые с подобными правами и свободами для других.

Второй принцип – принцип социального и экономического неравенства (принцип дифференциации) состоит из двух условий, при выполнении которых социальные и экономические неравенства можно считать справедливыми.

Условие 1. Неравенство в распределении благ оправдано, если оно создает предпосылки для увеличения объемов благ для самых бедных членов общества.

Условие 2. Доступ к положениям и должностям открыт для всех в условиях честного равенства возможностей.

Второе условие, по сути, означает отсутствие дискриминации по любому признаку, а также отсутствие сословных, религиозных, или этнических преимуществ при устройстве на работу и при назначении на должность. Справедливость в распределения благ определяется первым условием. Подчеркнем, что приоритет первого принципа означает, что никакие социальные или экономические преимущества не оправдывают ограничение основных прав и свобод. Приведем простой пример, иллюстрирующий действие принципа дифференциации.

Пример. Племя состоит из 90 охотников, добывающих пищу, и 10 стариков, которые ничего не производят. В исходном положении пища делится поровну между всеми. Охотник получает столько же, сколько старик, но расходует больше энергии. В этих условиях суммарная добыча составляет 100 кг в день, и каждый член племени получает 1 кг. Совет племени решил изменить распределение пищи (важный элемент базисной системы племени!). Рассматриваются два альтернативных распределения. Распределение А устанавливает, что доля охотника в 2 раза больше доли старика. Охотники получат больше пищи и станут добывать 247 кг в день. При распределении В доля охотника в 3 раза больше доли старика, и они станут добывать 273 кг в день[4]. Оба эти распределения создают неравенство в дележе пищи. Вопрос: какое из них справедливо по Ролзу?

Обозначим количество пищи, приходящееся на старика, через x. Тогда в распределении А охотник получит 2x, а в распределении В он получит 3x. Распределению А соответствует уравнение

$$10x + 90 \cdot 2x = 247 \quad (1)$$

из которого следует, что каждый старик получает 1,3 кг пищи, а каждый охотник – 2,6 кг.

В распределении В, для которого справедливо уравнение

$$10x + 90 \cdot 3x = 273 \quad (2)$$

каждый старик получает 0,975 кг пищи, а каждый охотник – 2,925 кг. Как видно, в распределении А старики станут получать больше пищи, а распределении В – меньше. Следовательно, условию 2 принципа дифференциации Ролза соответствует распределение А, и не соответствует распределение В[5].

На языке математики распределение А доминирует по Парето над исходным равномерным распределением, так как каждый участник получает в распределении А больше, чем в исходном. Распределение В несравнимо по Парето ни с исходным распределением, ни с распределением А, так при переходе от одного распределения к другому одним агентам становится лучше, а другим – хуже. Легко убедиться, что если распределение благ доминирует по Парето над равномерным

4 Увеличение относительной доли охотников создает для них стимул к увеличению стараний при добыче пищи. Образно выражаясь, размер пирога зависит от того, как его будут делить. Математические модели, показывающие, как совокупный выпуск, осуществляемый агентами в коллективных действиях, зависит от относительных долей агентов, мы исследовали в работе [22].

5 В реальности, община охотников-собирателей выбрала бы скорее всего распределению В, так как община живет в условия, диктующих, что наибольшую ценность имеют те члены общины, которые необходимы для ее выживания. Соответственно, при прочих равных условиях община, выбирающая распределение В, приобретает конкурентное преимущество.

распределением благ (как в рассмотренном примере распределение А), то выполняется условие 1, следовательно, неравенство, заданное этим распределением, считается оправданным согласно концепции Ролза.

Интересно отметить убежденность Ролза в том, что его теория лучше принципа равных возможностей, другими словами, что она в большей степени отвечает интуитивным представлениям о справедливости [21, с. 174]. Дело в том, что если принципы Ролза допускают только то неравенство, которое улучшает положение наименее успешных членов общество, то принцип равных возможностей, в отличие от принципов Ролза, оправдывает неравенство в доходах или социальном положении, если оно достигнуто в честной конкурентной борьбе. При этом игнорируются всякие соображения относительно причин проигрыша конкретного индивида в этой борьбе. А причины могут состоять в случайном неблагоприятном стечении жизненных обстоятельств, врожденных недостатках, проблемах со здоровьем и т.п. Поэтому, по словам Ролза, распределение доходов, способностей и талантов «является результатом естественной лотереи, и этот результат произволен с моральной точки зрения» [18, с. 76]. Соответственно, необходимо «принять принцип, который признает этот факт, а также ослабляет произвол естественной лотереи» [18, с. 76].

Ролз также предложил механизм, действие которого приводит к тому, что общество выбирает справедливое распределение благ. Следуя концепции общественного договора, он рассматривает такой выбор как продукт соглашения между всеми членами общества, причем они договариваются о распределении благ и тягот, находясь в текущем состоянии, в котором у каждого индивида свои обстоятельства, качества и достоинства, влияющие на его общественный статус и возможности, свой уровень дохода. Все эти обстоятельства в силу их разнообразия побуждают индивида оценивать различные варианты распределения, исходя из выгод, которые он при этом получит. Такой подход не совместим с беспристрастностью, следовательно, надо каким-то образом элиминировать влияние обстоятельств, в которых находится индивид, на его выбор.

С этой целью Ролз перевел договор в гипотетическую плоскость: при выборе распределения индивид надевает «вуаль неведения». Этот предложенный Ролзом мысленный эксперимент состоит в том, что индивид, осуществляя свой выбор, не знает, каким будет его доход, здоровье и все другие качества в тот момент, когда будет осуществлено распределение благ.

Оставим пока в стороне проблематичность осуществления этого психологического приема, и рассмотрим на примере, какой он дает результат, будучи осуществленным.

Пусть в приведенном выше примере племя выбирает распределение пищи. Очевидно, что охотнику выгоднее распределение В, а старику – распределение А. Но если охотник надел «вуаль неведения», то он не знает, кем он будет при осуществлении распределения, охотником или стариком. Тогда, если он стремится получить гарантированный результат, ему следует выбрать распределение А, так как в этом случае его гарантированный результат выше, чем в распределении В и при равномерном распределении.

В общем случае «вуаль неведения» приводит к тому, что индивид выбирает распределение благ в условиях неопределенности относительно своей социальной позиции при осуществлении этого распределения, и в этих условиях оптимизирует свою полезность на множестве возможных распределений.

Существует несколько критериев оптимальности в условиях неопределенности, в том числе критерий гарантированного результата, или критерий максимина. Следуя критерию максимина, индивид выбирает распределение, максимизирующее минимальный уровень получаемых благ.

Таким образом, Ролз предложил следующий метод выбора распределения благ между членами общества: индивид, стремящийся быть беспристрастным, надевает «вуаль неведения», и тогда он рационально выбирает распределение в интересах самых неимущих членов общества. Если данному методу следуют лица, от которых зависит распределение благ в обществе, то базисная структура общества будет, в первую очередь, нацелена на улучшение качества жизни тех, кто в силу каких-либо

обстоятельств получает сравнительно низкий доход. Это и является тем результатом, который по Ролзу обеспечивает справедливое распределение благ.

«Теория справедливости» Ролза вызвала оживленную дискуссию в среде философов и экономистов и привлекла внимание общества к проблеме социальной справедливости. В статье мы рассмотрим только критические замечания, выдвинутые с точки зрения экономической науки.

Вполне ожидаемо, что мишенью для критики стал в первую очередь метод, то есть «вуаль неведения», так как трудно ожидать, что ее наденут представители правящей элиты. Кроме того, индивид в условиях неопределенности склонен к выбору решения по критерию максимина только в том случае, если он избегает риска. Но зачастую в обществе имеются индивиды как нейтральные к риску, так и склонные к риску, и они, пользуясь другими критериями оптимальности, выберут другие варианты распределения благ [27]. Таким образом, индивид под «вуалью неведения» необязательно выберет распределение, максимизирующее полезность самых бедных.

Критике подвергается также результат – распределение благ в интересах самых бедных требует увеличения налогов, которые платят наиболее успешные индивиды, что приводит к искажению стимулов. Высокое налогообложение ради перераспределения снижает стимулы предпринимателей к риску, неизбежному в области высоких технологий. Также снижается стимул к экономической активности у тех, кто получает помощь, и они часто попадают в институциональную ловушку зависимости от помощи со стороны государства.

Объектом критики теории Ролза стала и сама постановка проблемы социальной справедливости. Так Амартия Сен [20] считает, что концентрация внимания на абстрактной идее социальной справедливости отвлекает внимание от конкретных и наиболее острых проблем, вызванных экономическим неравенством (голод и болезни среди неимущих, особенно в странах третьего мира, отсутствие социальных лифтов и доступа к образованию).

По мнению Роберта Нозика взимание налогов, необходимое для того, чтобы государство могло оказывать социальную поддержку неимущим, лишает людей свободы, одной из главных социальных ценностей. Поэтому, если для Ролза налогообложение является инструментом для достижения справедливости, то для Нозика «Налогообложение доходов, заработанных трудом, эквивалентно принудительному труду» [15, с. 216][6].

Справедливость по Роберту Нозику

Концепция Роберта Нозика [15] является абсолютным антиподом концепции Ролза, хотя некоторые точки соприкосновения у них имеются [11-12]. В своей книге «Анархия, государство и утопия» Роберт Нозик проявил себя последовательным приверженцем «минимального государства, функции которого ограничены узкими рамками – защита от насилия, воровства, мошенничества, обеспечение соблюдения договоров и т.п.» [15, с. 11].

Всякое расширение полномочий государства, как организации обладающей монополией на насилие, приводит к принудительному перераспределению ресурсов, посягательству на личную свободу граждан, ущемлению их прав, принуждению к тем или иным действиям. Строго следуя категорическому императиву Канта, Нозик утверждает: «человек – это цель, а не просто средство; людьми нельзя жертвовать или использовать для достижения каких-нибудь целей без их согласия. Индивид неприкосновенен» [15, с. 54]. Ниже он уточняет: «… люди обладают независимым существованием и не являются ресурсом для других людей» [15, с. 57]. Поэтому расширение функций государства, по Нозику, морально недопустимо, так как оно приводит к нарушению естественных прав человека. По его словам, он разработал свою теорию справедливости (теорию прав собственности) для того, чтобы опровергнуть утверждение о необходимости для достижения справедливости государства с расширенными функциями, а также для критики «теорий распределительной справедливости, предусматривающих более чем минимальное государство»,

6 Если из вашей зарплаты государство отчисляет 13%, то, согласно концепции Нозика, из каждых 100 рабочих часов в течение 13 часов вы заняты принудительным трудом.

уделив при этом особое внимание теории Джона Ролза [15, с. 13].

Основное положение теории Нозика состоит в том, что справедливость не зависит от равенства или неравенства распределения благ, а определяется тем, как это распределение было достигнуто (поэтому концепцию Нозика называют исторической). Главным критерием справедливости является легитимность собственности. Основу теории Нозика составляют три принципа [15, с. 194-197].

Принцип справедливости присвоения [15, с. 194]. Вопрос о справедливости первоначального присвоения ничейного имущество и/или природных ресурсов Роберт Нозик решил, опираясь на «оговорку Локка», которая гласит, что присвоение природных ресурсов в частную собственность правомерно лишь при условии, что «достаточное количество и того же самого качества (предмета труда) остается для общего пользования других» [8, с. 277]. Поэтому в соответствии с «оговоркой Локка», этот принцип устанавливает, что присвоение ничейного имущества справедливо, если оно не ухудшает положение других.

Принцип справедливости перехода [15, с. 195]. Собственность легитимна, если она приобретена в результате добровольного обмена или дарения, и незаконна, если получена путем обмана, кражи или грабежа. Собственность, приобретенную законным путем, Нозик называет справедливой, и ее права следует защищать.

Принцип исправления несправедливости (ректификации) [15, с. 197]. Незаконный характер приобретения собственности делает её несправедливой, и ее следует изъять и вернуть законному владельцу или компенсировать причиненный ущерб.

По Нозику: «Все, что возникает из справедливой ситуации в результате справедливых действий, само по себе справедливо» [15, с. 195]. Поэтому если собственность удовлетворяет первым двум принципам, то ее принудительное перераспределение несправедливо. Несправедливым он также считал перераспределение, осуществляемое путем принудительного изъятия доходов у одних (через налоги) для передачи другим, так как оно нарушает фундаментальное право собственности и использует человека как средство, а не цель. Если для Ролза неравенство справедливо только тогда, когда оно идет на пользу самым неимущим, то для Нозика оно справедливо в любом случае, если собственность или доходы легитимны.

Функции минимального государства, часто именуемым «ночным сторожем», предельно ограничены и состоят только в обеспечении безопасности и защите прав собственности. Построение минимального государства Нозик представляет как результат спонтанной эволюции процесса рыночной конкуренции частных агентств по защите прав, проходящего через следующие четыре этапа.

На первом этапе люди осознают, что защищать свои права в одиночку неэффективно и дорого. Они начинают объединяться в группы взаимной защиты. Это еще не государство, а добровольное соглашение: «если нападут на тебя, я помогу, и наоборот». Каждый участник такого соглашения вынужден заниматься самообороной, что мешает разделению труда и снижает общую экономическую эффективность. Решением проблемы является создание рынка специализированных услуг по защите собственности, что осуществляется на втором этапе.

На втором этапе, этапе коммерциализации, формируется спрос на услуги по защите безопасности и соответствующее предложение со стороны защитных агентств. Безопасность становится товаром, частным благом, которое люди приобретают по рыночной цене. Так как каждая ассоциация собственников может приобретать силовой ресурс, то конфликты между ассоциациями приводят к бесконечным войнам[7]. Войны между ассоциациями прекратятся, если на рынке защитных услуг останется только одно агентство, что происходит на третьем этапе.

На третьем этапе, как предполагает Нозик, в результате конкурентной борьбы между силовыми агентствами возникает доминирующее защитное агентство, услуги которого пользуются

7 Похожая ситуация наблюдалась в России в 90-е годы, когда фирмы создавали собственные силовые структуры, и в то же время существовало силовое предпринимательство, осуществляемое многочисленными силовыми агентствами.

наибольшим спросом у клиентов, и оно вытесняет конкурентов с рынка защитных услуг. На этом этапе возникает проблема установления и сертификации процедуры суда. Рассмотрим ее подробнее.

Предположим, что возник конфликт между двумя ассоциациями A и B. Если защитные услуги предлагают несколько агентств, то A может заключить контракт с агентством 1, а B с агентством 2, и конфликт решится победой одного из агентств. Но если A и B являются клиентами одного и того же агентства, то для решения конфликта необходим суд, устанавливающий ответственность каждой из конфликтующих сторон. Третье лицо в данном случае не имеет полномочий быть судьей, так как агентство не обязано выполнять его постановления. Следовательно, клиенты вынуждены предоставить агентству также и функции суда.

Судебное решение выносится на основании определенной процедуры – процедуры суда, регламентация которой также может быть осуществлена только защитным агентством, так как клиенты могут расходиться в мнениях по ее поводу. Роберт Нозик предполагает, что регламентация процедуры суда происходит следующим образом.

На этапе коммерциализации защитных услуг каждое агентство предлагает не только физическую защиту клиента, но также и свою процедуру суда. В истории известны разнообразные процедуры, на основании которых суд решал, кто прав, кто виноват, в том числе испытание огнем, водой и т.д., обращение к богам и т.п. При выборе агентства клиент оценивает свой риск при действии процедур, предлагаемых агентствами.

Роберт Нозик исходит из естественного права каждого человека не подвергаться ненадежным и несправедливым процедурам и сопротивляться, «если его пытаются подвергнуть не заслуживающей доверия или нечестной процедуре» [15, с. 136]. Как следствие, в конкуренции побеждает то агентство, которое предлагает самую надежную процедуру суда.

Если ассоциация или независимое лицо предлагает свою процедуру суда, то она оценивается агентством, и от имени клиентов оно может запретить ее, если сочтет опасной или недостоверной. Фактически это означает, что само агентство сертифицирует процедуру суда. Право агентства на сертификацию процедуры подтверждается его готовностью защищать это право и способностью запретить процедуру как несанкционированный риск, если агентство сочтет её несправедливой. В результате доминирующее агентство становится арбитром последней инстанции, решая, какая процедура является «рискованной», а какая – «надежной». Фактически оно говорит: «Наша процедура – единственно верная, потому что мы можем доказать её надежность и у нас есть сила её отстоять». В концепции Нозика клиенты воздействуют на сертификацию процедур не через политические механизмы (как граждане в демократии), а через рыночные механизмы и индивидуальные контракты.

Если агентство радикально меняет процедуру сертификации без согласия клиентов, это действие может трактоваться как нарушение контракта. В этом случае клиент может расторгнуть контракт, просто перестав платить и пытаясь нанять другое (пусть и менее мощное) агентство. В случае массового оттока клиентов, доминирующее агентство теряет ресурсы и легитимность, что может привести к его распаду или появлению сильного конкурента.

Клиент может попытаться взыскать ущерб самостоятельно или через частных арбитров, но это решение довольно рискованное, так как доминирующее агентство может объявить процедуру взыскания «рискованной» и заблокировать её. Роберт Нозик предложил теоретический выход из этой ситуации, основанный на предположении, что агентство заинтересовано в репутации надежности. Если оно явно грабит клиентов, оно превращается в бандита, и другие ассоциации (даже мелкие) могут объединиться против него для защиты своих прав. Заметим, что трудность осуществить взыскания с агентства при нарушении им условий контракта является одним из самых слабых мест в цепи рассуждений Роберта Нозика.

Так как контракт добровольный, то могут найтись индивиды, защищающие свои права самостоятельно, не прибегая к услугам доминирующего агентства. Но их действия, направленные

на свою защиту, могут носить насильственный характер относительно клиентов доминирующего агентства. Соответственно, это агентство, обязанное защищать своих клиентов, берет на себя право превентивно запрещать подобную деятельность всем частным лицам или другим агентствам. Такое доминирующее агентство Нозик называет ультраминимальным государством.

«Ультраминимальное государство обладает монополией на все формы применения силы, за исключением необходимой самообороны, и, таким образом, исключает ответное применение силы (например, ради мести или получения компенсации) со стороны частных лиц (или частных агентств); в то же время оно защищает и обеспечивает права только тех, кто приобретает соответствующие услуги. Люди, которые не покупают у монополии «охранный полис», не получают защиты». [15, с. 49].

Но здесь возникает моральная проблема, так как, по мнению Нозика, запрет самозащиты нарушает права индивида. Для восстановления справедливости агентство должно компенсировать этот запрет, предоставляя свои услуги по защите прав бесплатно или по минимальной цене. И как только ультраминимальное государство берет на себя обязанность защищать и тех жителей подконтрольной территории, которые эту защиту не оплачивают, оно становится минимальным государством.

Таким образом, стихийный процесс сертификации и установления процедуры суда является последним этапом формирования минимального государства. Доминирующее агентство становится минимальным государством, так как оно выполняет все его функции, обеспечивая безопасность и защиту прав собственности для всех жителей или, что то же самое, для своих граждан. По Нозику, минимальное государство возникает не вследствие заключения общественного договора или появления «оседлого бандита», а под действием «невидимой руки рынка»: эволюция рынка защитных услуг приводит к доминированию одного агентства, которое трансформируется в государство, защищающее всех жителей подконтрольной территории.

Минимальное государство Нозика не занимается социальным обеспечением бедных. Бедность вообще не считается несправедливой, если она возникла в результате честных рыночных процессов. Государство не имеет морального права «исправлять» результаты честной рыночной игры. Исключение составляет только случай, когда бедность группы людей вызвана тем, что в прошлом у их предков незаконно отобрали землю или собственность (например, вследствие рабства или колониализма). В этом случае государство Нозика предоставляет им выплаты, представляющие собой не социальную помощь, а возвращение украденного. Помощь нуждающимся осуществляется исключительно за счет добровольных взносов частных лиц, то есть как благотворительность, либо как судебная компенсация за доказанный исторический ущерб.

Критика экономистами теории Роберта Нозика производится с различных позиций и касается разных положений его теории. Начнем с принципа справедливости перехода и принципа ректификации, с помощью которых в теории Нозика устанавливаются справедливые права собственности.

Теория Нозика требует, чтобы цепочка владений была чистой, но в реальности почти вся собственность в мире (земля, ресурсы) была когда-то получена путем войн и захватов, и, если следовать принципу ректификации, то почти все современные владельцы должны отдать свою собственность потомкам жертв прошлых грабежей. Как следствие, «исправление» несправедливости должно привести к масштабному перераспределению, что приводит к высоким экономическим и социальным издержкам[8] [24].

Критики особо подчеркивают опасность возникновения тирании. Эта опасность возникает в силу действия следующих факторов. Во-первых, гражданин как клиент агентства практически лишен возможности, как мы отметили выше, осуществить взыскание с агентства, если оно нарушает условия контракта (например, произвольно меняет процедуру суда). Это способствует превращению

8 Проблема справедливого владения собственностью и ее ректификации, необходимой для легитимности, достаточно остра в современной России, так как многие объекты собственности были получены в результате сомнительных сделок.

агентства в «корпоративную диктатуру», где клиент будет лишен выбора. Во-вторых, в конкурентной борьбе совсем не обязательно победит агентство, предоставляющее самую качественную услугу.

В силу эффекта масштаба, сильно проявляющемуся на рынке безопасности, наибольшие шансы на победу имеет самое крупное агентство, так как оно может предложить клиентам такую же защиту, что и мелкие агентства, но при этом нести меньшие издержки. Как следствие, вместо свободного рынка защитных услуг мы получаем естественную монополию, клиент лишен выбора и не может воздействовать на деятельность доминирующего агентства. В итоге минимальное государство превращается в тиранию без конституционных ограничений [4].

Победа наиболее эффективного агентства вызывает сомнение и с точки зрения теории неполных контрактов и информационной асимметрии. Рынок защитных услуг является рынком с информационной асимметрией, так как клиент, заключая контракт с защитным агентством, не располагает информацией, необходимой для оценки качества услуги. Этой информацией владеет только само агентство. Информационная асимметрия проявляется и на стадии исполнения контракта. Агентству бывает выгоднее имитировать втайне от агента его защиту или договариваться с преступниками за спиной клиента, чем бороться с преступностью. В результате контракт с агентством подвержен моральному риску, а рынок защитных услуг при отсутствии государственного надзора и единых стандартов превращается в «рынок лимонов», где плохие агентства имеют не меньшие шансы на успех, чем хорошие[9].

Победе самого эффективного агентства препятствует и отсутствие контроля за выполнением агентствами правил честной конкуренции. Эти правила могут сложиться на рынке защитных услуг двумя способами: либо в результате соглашения между агентствами, которые в дальнейшем поддерживают выполнение правил своими усилиями; либо при контроле антимонопольного органа за соблюдение правил конкуренции. Роберт Нозик отвергает как идею внешнего контроля, так и идею договора между агентствами по поводу условий конкуренции. Таким образом, условия честной конкуренции на этом рынке ничем не обеспечены.

Другим объектом критики является игнорирование Нозиком проблемы экстерналий (внешних эффектов). Если я оплачиваю свою безопасность, а мой сосед этого не делает, то рядом с ним может возникнуть притон, и я получаю отрицательную экстерналию, так как моя безопасность снижается. В целом безопасность каждого зависит от безопасности окружающей среды, которая является не частным, а общественным благом. В экономической теории провалов рынка (market failures) доказана неспособность рынка производить в достаточном количестве общественные блага [19].

Та безопасность, которую осуществляет государство для всех своих граждан, является общественным благом, и поэтому ее производство сопровождается положительными внешними эффектами. Соответственно, рыночные механизмы, нацеленные на извлечение прибыли, не способны обеспечивать их производство в общественно-оптимальных масштабах. Поэтому минимальное государство Нозика не способно обеспечить безопасность граждан ни от преступности, ни от ухудшения экологии, ни от эпидемий.

Сравнительный анализ концепций Ролза и Нозика

Каждая из этих концепций содержит свой вариант базисной системы общества, которая обеспечивает справедливое предоставление благ. Но то, что справедливо по Ролзу, несправедливо по Нозику, и наоборот. Несовместимы и принципы, определяющие базисную систему общества – государство не может одновременно быть «социальным» и «минимальным». В то же время, всем хотелось бы, чтобы налоги были как можно ниже, а социальная поддержка нуждающихся как можно

9 Рынки с асимметричной информацией впервые исследованы Джорджем Акерлофом [26]. Если покупатель не знает истинного качества товара, то рыночная цена устанавливается на уровне цены за товар среднего качества. В результате происходит отрицательный отбор: последовательное вытеснение с рынка наиболее качественных товаров, требующих больших затрат у производителя. Асимметричность информации на рынке защитных услуг приводит к вытеснению агентств, предоставляющих услуги высокого качества.

больше. Политики как мореплаватели, прокладывают курс между полюсом «социального холода» (Нозик) и полюсом «социального тепла» (Ролз).

Критика моделей Ролза и Нозика доказывает, что достижимость, т.е. практическая реализация, ни одной из этих абстрактных моделей не возможна. При этом даже частичная реализация заложенных в них принципов создает как положительные, так и отрицательные последствия. Поэтому приближение национальной экономики к каждому полюсу вызывает свои последствия, как положительные, так и отрицательные. Оценим их с позиций современной экономической науки.

Начнем с теории «минимального государства» Роберта Нозика. Положительные последствия применения идей Нозика в экономической политике достаточно очевидны – низкие налоги и уменьшение бюрократии создают хорошие условия для бизнеса, что приводит к увеличению деловой активности, привлечению инвестиций и росту производства. Но при снижении поддержки малоимущих со стороны государства усиливается имущественное и социальное неравенство, что приводит в долгосрочном периоде к отрицательным экономическим последствиям.

Отсутствие механизмов перераспределения в минимальном государстве создает «ловушки неравенств»[10], из которых невозможно выбраться рыночными методами, что закрепляет бедность и блокирует «социальные лифты» [17, 23].

Как следствие, существует тенденция усиления социального неравенства, возникают «гетто», повышается уровень преступности и растут расходы на борьбу с ней. Мы видим, что отказ от перераспределения порождает отрицательные эффекты, нивелирующие действие положительных эффектов в модели минимального государства.

Прейдем к оценке последствий применения принципов Ролза. Принцип дифференциации выравнивает экономическое положение индивидов, что гармонизирует социальные отношения. Перераспределение в пользу неимущих создает для них социальные лифты и возможности выхода из бедности. Меньшее распространение получают социальные болезни, алкоголизм и наркомания. Доступ к медицине и к образованию, открытый для неимущих, приводит в целом к росту человеческого капитала.

Критика модели Джона Ролза с точки зрения экономики фокусируется на снижении стимулов, искажении рыночных сигналов, и высоких административных издержках. Вследствие этих эффектов, стремление к максимальному благосостоянию беднейших (принцип дифференциации) может привести к общему замедлению экономики, от которого в итоге пострадают все.

Принцип дифференциации требует, чтобы любое неравенство было оправдано выгодой для беднейших. Это часто реализуется через высокие прогрессивные налоги, что снижает мотивацию предпринимателей инвестировать в рискованные проекты, так как «премия за риск» изымается государством [13].

Гарантированный высокий уровень социальной поддержки (как реализация принципа Ролза) создает феномен «добровольной безработицы», когда пособия сопоставимы с низкой зарплатой. Это может привести к снижению предложения на рынке труда.

Самым тяжелым последствием реализации модели Ролза следует признать бюрократизацию экономики. Чтобы осуществить перераспределение по принципу дифференциации необходим гигантский аппарат мониторинга и управления денежными потоками. Это создает эффект «дырявого ведра» [28]: часть средств, изъятых у богатых «испаряется» внутри бюрократической машины.

Бюрократизация экономики и значительные суммы, предназначенные для перераспределения, приводят к тому, что государственные или общественные структуры, созданные для защиты общего блага, начинают работать в интересах узких групп влияния – бюрократии, крупных корпораций или

10 Термин «ловушка неравенства» (inequality trap) в критике Нозика описывает ситуацию, когда стартовое неравенство (даже если оно возникло «честно») самовоспроизводится через институты, лишая последующие поколения реальной свободы выбора.

политических лоббистов. Этот процесс получил название «захват институтов». В экономической теории выделяют три основных сценария захвата. Обратимся к ним.

1. Процесс бюрократической экспансии описан в работах Уильяма Нисканена [14] следующим образом. Чиновники, управляющие фондами перераспределения, заинтересованы не в искоренении бедности, а в бесконечном увеличении своих бюджетов и штатов. Проблема «бедности» становится для них ресурсом, который выгодно сохранять, а не искоренять.

2. Рентоориентированное поведение [25] проявляется в силу того, что в качестве инструментов для перераспределения благ используется субсидирование предприятий с целью сохранения рабочих мест, или с целью снижения цен на товары. Льготы и субсидии дают предприятиям возможность извлекать ренту из процесса перераспределения. Возникают группы интересов в лице крупных предприятий и профсоюзов, которые лоббируют для себя «справедливые» льготы. В итоге ресурсы перераспределяются не в пользу «беднейших» (как хотел Ролз), а в пользу «самых организованных».

3. Захват регулятора [30]. Государственные органы, созданные для надзора за рынком ради достижения справедливости, попадают в зависимость от тех отраслей, которые они должны регулировать. Корпорации «покупают» лояльность регуляторов через механизмы «вращающихся дверей» (переход чиновников на высокие посты в корпорации).

Захват регулятора приводит к тому, что вместо помощи нуждающимся государство тратит средства на поддержку неэффективных, но политически влиятельных отраслей (например, субсидии угольной промышленности под лозунгом «сохранения рабочих мест»). Захваченные институты создают высокие барьеры входа для малого бизнеса (через сложные лицензии и нормы), что выгодно монополистам, но прямо противоречит «равенству возможностей». Захват государства подрывает доверие к государственным институтам, когда граждане видят, что институты «справедливости» работают на элиты. В результате разрушается социальный контракт, что ведет к популизму и нестабильности.

Итак, мы видим, что для национальной экономики опасно приближение и к модели Ролза, и к модели Нозика. Политический курс формируется не только, как выбор элит, но также в зависимости от предпочтений граждан. Запрос на экономические свободы требует движения в направлении к модели Нозика; запрос на поддержку нуждающихся требует изменения курса в сторону модели Ролза.

Коснемся вопроса о доминирующих среди граждан современной России представлениях о справедливости. Обратимся сначала к результатам социологического опроса, проведенного в октябре 2024 г. в 22 субъектах Российской Федерации, по репрезентативной, как уверяет автор Р.Э. Бараш, «общероссийской районированной квотной выборке» [2, с. 86]. Оказалось, что для большинства граждан России наиболее актуальной среди всех концептуальных идей относительно устройства России является идея социальной справедливости.

Что же касается конкретных представлений жителей России о справедливости, то опрос показал, что в целом «Существующий в российском общественном мнении спектр представлений о том, в чем именно состоит социальная справедливость можно свести к двум альтернативным трактовкам: уравнительной, которая предполагает равномерное распределение ресурсов между гражданами, и распределительной, ориентированной на обеспечение всеобщего равенства возможностей» [2, с. 98]. Следует подчеркнуть, что большинство опрошенных склоняются ко второму варианту, понимая справедливость «как равные возможности для самореализации и справедливые условия для достижения успеха» [2, с. 104]. Соответственно, отвечая на вопрос о том, в каком обществе они хотели бы жить, 59% опрошенных в 2024 году выбирают общество равных возможностей, а 41% – общество равных доходов и условий жизни [2, с. 100]. Как видим, понимание справедливости жителями России близко к идеям Ролза о социальной роли государства и распределительной справедливости, и довольно далеко от идей Нозика относительно минимального государства.

В работе Н.С. Ворониной, посвященной изучению представления молодежи о справедливости,

использовались эмпирические данные 28-й волны «Российского мониторинга экономики и здоровья населения» за 2019 г. Выборка превысила 18 тысяч человек в возрасте 14-35 лет. В вопросе о том, что в представлениях молодежи есть справедливость, Н. Воронина солидарна с Р. Бараш: «Россияне представляют справедливое общество прежде всего как общество равенства возможностей» [5, с. 97]. Оказалось, что с увеличением возраста респондентов доля тех, кто считает российское общество «полностью справедливым», монотонно падает от 27% до 18%, а доля, считающих «совсем несправедливым», монотонно возрастает от 28% до 38% [5, с. 101]. В каждой молодежной группе доля участников опроса, оценивающей российское общество как «справедливое», не превысила 27% [5, с. 106].

Что касается отношения российских граждан к социально-экономическому неравенству, то эмпирические данные общероссийских исследований позволяют сделать следующие выводы [2, 9, 10]. Во-первых, на первое место в восприятии неравенства «выходит неравенство доходов, которое считается не только высоким, но и несправедливым» [10, с. 344]. Во-вторых, наблюдается тенденция к снижению остроты восприятия неравенств, хотя при этом по-прежнему «задача преодоления избыточных неравенств для построения справедливого общества сохраняет высокую актуальность и востребована населением» [10, с. 359].

Заключение

Теории Ролза и Нозика, как и все абстрактные модели справедливого общественного устройства, в их чистом виде не пригодны для практического воплощения. Но эти теории и их критика экономистами позволяют нам сформулировать проблему, теоретическое и практическое решение которой жизненно важны для людей.

Проблема состоит в том, что, с одной стороны, для обеспечения справедливости необходимо осуществить перераспределение благ, но с другой стороны, процесс государственного перераспределения порождает негативные для экономики и общества процессы (они описаны в данной статье, как последствия приближения к модели Ролза). Для того, чтобы предотвратить эти процессы, или сократить их интенсивность надо, во-первых, совершенствовать механизмы перераспределения, и, во-вторых, предложить разумные принципы перераспределения, прямо зависящие от принятого обществом представлении о справедливости.

Становится очевидным, что ни концепция Ролза, ни концепция Нозика, не могут быть приняты в качестве такого принципа. Поэтому экономисты продолжают поиск альтернативных концепций.

Одной из них является концепция «условной справедливости», представленная в работе [29]. Концепции «условной справедливости» предлагают перераспределять блага с учетом вкладов каждого индивида, что в какой-то мере сближает эти концепции с идеей дистрибутивной справедливости Аристотеля.

Совершенно иной подход к пониманию справедливости предлагает Амартия Сен [20]. В отличие от теорий Ролза и Нозика и предшествующих им теорий справедливости, ставящих задачу сформулировать принципы справедливости и разработать механизмы их реализации, Сен формулирует принципиально иную исследовательскую задачу, заключающуюся в сравнительном анализе того, что является более или менее справедливым в реальной жизни. Сен фокусирует внимание на устранении реальной несправедливости, а не на построении абстрактных утопий. Главная идея Сена состоит в том, что справедливость нужно измерять не общим богатством страны (ВВП) и не количеством первичных благ у человека, а тем, что человек реально может делать и кем он может быть. Справедливость по Сену – это равные для всех возможности вести жизнь, которую они ценят (например, иметь возможность получить образование или быть здоровым).

Из исследования [2] следует, что социальную справедливость россияне понимают прежде всего как равные возможности всех граждан для самореализации и достижения успеха, что весьма близко к интерпретации справедливости Амартии Сена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4. М.: Мысль, 1983.
2. Бараш Р.Э. Представления россиян о ключевых составляющих качества жизни и социальной справедливости: срез общественного мнения в 2024 г. // Вестник Института социологии. 2024. № 4. С. 82-109.
3. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://ru.wikisource.org/wiki/Философская истина и интеллигентская правда (Бердяев) (дата обращения: 2.04.2026).
4. Бьюкенен Дж. Сочинения. Пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т.1. / Фонд экономической инициативы; Гл.ред.кол.: Нуреев Р.М. и др./ М.: «Таурус Альфа», 1997. 560 с.
5. Воронина Н.С. Социальная справедливость в оценках российской молодежи (на основе данных RLMS за 2019 г.) // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 95-108.
6. Гоббс Т. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. 748 с.
7. Кант И. Метафизика нравов. Соч. в 6 т. Т. 4, часть 2. М.: Мысль, 1965. С. 107-438. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000502/index.shtml (дата обращения: 2.04.2026).
8. Локк Дж. Об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления. Сочинения в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137-405.
9. Мареева С.В. Социально-экономические неравенства в жизни россиян: особенности восприятия и динамика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. № 2. С. 344-362.
10. Мастикова Н.С. Восприятие социальной справедливости россиянами на основе данных европейского исследования // Научный результат: Социология и управление. 2019. № 1. С. 39-51.
11. Морозов К.Е. Базовый доход как инструмент ректификации // Философия и общество. 2025. № 3. С. 118-133.
12. Морозов К.Е. Поддерживал ли Роберт Нозик принудительное налогообложение // Философия и общество. 2023. № 2 (107). С. 78-96.
13. Мэнкью Н.Г. Принципы Экономикс. СПб.: Питер, 2012. 672 с.
14. Нисканен У.А. Автократическая, демократическая и оптимальная формы правления. Фискальные решения и экономические результаты. Издательство Института Гайдара, 2013. 176 с.
15. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
16. Печерская Н.В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре. [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078464_32259347.pdf (дата обращения: 2.04.2026).
17. Пикетти Т. Капитал и идеология: глобальный взгляд на режимы неравенства // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 140-153.
18. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с
19. Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д. Экономика. Москва: Вильямс, 2017. 1358 с.
20. Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 520 с.
21. Соловьева В.В. К вопросу о теории справедливости Джона Ролза // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 167-177.
22. Скаржинская Е.М., Цуриков В.И. Модель коллективных действий. Часть 1: равновесие, справедливость, эффективность // Экономика и математические методы. 2017. № 2. С. 118-133.
23. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора. М.: Изд во МГУ: ИНФРА-М, 1997. 720 с.
24. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.
25. Таллок Г. Потери благосостояния от тарифов, монополий и воровства // Вехи экономической

мысли / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 435-448. [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.seinst.ru/files/vehi_4_015_tullock_welfare-costs.pdf (дата обращения: 2.04.2026).

26. Akerlof George A. The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism // Quarterly Journal of Economics. 1970. Vol. 84. No. 3. P. 488-500.

27. Harsanyi J. C. Can the Maximin Principle Serve as a Basis for Morality? A Critique of John Rawls's Theory // The American Political Science Review. 1975. Vol. 89. No. 2. P. 594-606.

28. Okun Arthur M. Equality and Efficiency, the Big Tradeoff. Washington: The Brookings Institution, 1975. 124 p.

29. Roemer J.E., Trannoy A. Equality of Opportunity: Theory and Measurement // Journal of Economic Literature. 2016. Vol. 54. No. 4. P. 1288-1332.

30. Stigler G.J. The Theory of Economic Regulation // Bell Journal of Economics and Management Science. 1971. Vol. 2. No. 1. P. 3-21.

Fairness from an Economist's Perspective. John Rawls versus Robert Nozick

Skarzhinskaya Elena Matveevna
Doctor of Economic Sciences, Professor
Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation
E-mail: yelena.skarzhinsky@gmail.com

Tsurikov Vladimir Ivanovich
Doctor of Economic Sciences, Professor
Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russian Federation
E-mail: tsurikov@inbox.ru

KEYWORDS

John Rawls, Robert Nozick, theory of justice, state, minimal state, veil of ignorance

ABSTRACT

The article is devoted to a comparative analysis of the theories of justice by John Rawls and Robert Nozick from the perspective of economic science. The choice of these concepts is due to their fundamental differences, which allow for identifying and assessing the risks of economic consequences that may arise from the implementation of alternative principles of justice. John Rawls defines justice through the principle of equal basic rights and freedoms for all, allowing economic and/or social inequality only in cases where it benefits the least advantaged members of society. Robert Nozick, as a proponent of the minimal state, views justice as the observance of each individual's right to self-ownership and considers any coercive redistribution of resources (including taxation) unjust, except for cases of rectifying past injustices. The analysis shows that the high level of social support envisioned by Rawls' concept to reduce inequality may distort market incentives, create a free-rider problem, foster a tendency toward voluntary unemployment, contribute to the bureaucratization of the economy (amplifying the «leaky bucket» effect), and create conditions for institutional capture. Additionally, Rawls' main mechanism, the «veil of ignorance», intended for fair distribution of goods, may not function as the author assumes. On the other hand, Nozick's minimal state, due to its rejection of income redistribution, may lead to inequality traps, tendencies toward the emergence of ghettos and increased crime, as well as problems in funding public goods. Moreover, the consistent application of the rectification principle, which could result in large-scale property redistribution, may entail significant social and economic costs. Despite the conceptual value of both theories, their inherent shortcomings make them unsuitable in their pure form for practical implementation in a real economic system.